

© 2017 г.

М.В. ВИНОКУРОВА

АНГЛИЙСКИЙ МАНОР XVI–XVIII веков: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТАРЫМ ПРОБЛЕМАМ

Винокурова Марина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

В этой статье речь пойдет о вопросах, связанных с историей английского манора XVI–XVIII вв.¹ Данную проблематику можно считать классической для нашей историографии; так, именно она главенствует в исследованиях видных представителей отечественной аграрно-исторической школы, по праву снискавшей известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Имена этих историков хорошо известны, также как и их исследования. Это (для истории Англии XVI–XVIII вв.) М.М. Ковалевский, А.Н. Савин, С.И. Архангельский, В.Ф. Семенов, М.А. Барг, В.М. Лавровский.²

Указанными исследователями поставлены и разрешены следующие основные проблемы:

- эволюция английского манора в связи с генезисом рентных отношений и сдвигами в классовой структуре общества;
- социальная динамика светского вотчинного землевладения;
- ранние огораживания; социальный состав огораживателей. Тюдоровское законодательство против огораживаний;
- крестьянские восстания XVI и середины XVII в.;
- юридическая теория копигольда (по правовым трактатам XVI–XVIII вв.);

¹ В настоящее время в отечественной историографии (в частности, в медиевистике) налицо тенденция «продлевать» период Средневековья и раннего Нового времени. Ранее, в исторической науке советского периода, в связи с акцентированием буржуазного характера Английской революции, начало «отсчета» Нового времени связывали с этим событием английской истории. Ныне вторую половину XVII в. и даже век XVIII (до парламентских огораживаний и промышленного переворота в Англии и революции во Франции) медиевисты считают временем «долгого Средневековья». Идея «долгого» Средневековья и протяженного раннего Нового времени, казалось бы, заимствованная у Ж. Ле Гоффа, на самом деле не является заимствованием со стороны современной отечественной историографии, а органично вытекает из изучения источников по социально-экономической и политической истории стран Западной Европы. См., например, об этом материалы дискуссии, организованной в начале 2008 г. Отделом истории Средних веков и раннего Нового времени ИВИ РАН: Читательская конференция журнала «Средние века». – Средние века. М., 2009, вып. 70 (1–2), с. 8–155.

² В мою задачу в данной статье не входит подробный анализ исследований указанных историков. Это уже сделано. См., например: Портреты историков. Время и судьбы, т. 2. М. – Иерусалим, 2000. Что касается англоязычной историографии, то ее подробная характеристика дана, в частности, в монографии: *Винокурова М.В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004, с. 43–66. В ходе изложения материала в данной статье я постараюсь особенно не противопоставлять исследовательские подходы представителей отечественной и англоязычной историографии, а, напротив, стремиться к некоторым обобщениям в этой области. К тому же – и это, пожалуй, главное – данная статья является результатом не столько историографического анализа, сколько отражением еще не до конца использованных широких познавательных возможностей богатого материала источников по манориальной истории.

– аграрное законодательство Английской революции середины XVII в., односторонняя отмена феодальных повинностей в ходе революции, формирование основных аграрных программ;

– экспроприация английского крестьянства и процесс образования крупного поместья капиталистического типа; дифференциация крестьян и парламентские огораживания конца XVIII в. как заключительный аккорд процесса экспроприации сельского населения страны.

Но, несмотря на широкий спектр этих исключительной важности вопросов, в настоящее время в указанной области все еще существует целый ряд не до конца исследованных проблем³.

Сосредоточусь на некоторых из них.

Так, одной из центральных исследовательских проблем в науке и поныне остается проблема феодальной ренты, тесно связанная с понятием феодальной собственности: рента была ни чем иным как экономической формой ее реализации. Изучению проблемы рентных отношений в Англии посвящено немало работ в историографии⁴. Но и сейчас все еще остается актуальным вопрос об эволюции форм феодальной ренты и их зависимости от рыночной конъюнктуры. Без выявления этой зависимости на материале, например, Англии эпохи аграрной революции, процесс «очистки» земли от держателей на обычном праве выглядит скорее как результат произвола лордов, нежели как процесс, диктуемый изменениями в социально-экономическом строе.

При всем разнообразии и пестроте рент на основании пристальной работы с источниками удастся выявить некоторую специфику и закономерности развития рентных отношений. Так, в частности, можно с уверенностью говорить о том, что высота рент на копигольде (основном типе крестьянского держания) в период аграрной революции могла зависеть от:

– экономических потенциалов земли, в том числе от наличия или отсутствия в крестьянском хозяйстве «коммерческих» типов угодий (например, пастбища для овец);

– имущественного положения держателя;

– сословного его положения;

– от того, был ли копигольд «срочным» или «наследственным» (нередко более привилегированные *copyholders by inheritance* платили относительно более низкие ренты, чем держатели на короткие сроки (7–14 лет);

– одновременности складывания обычая в маноре.

В связи с последним, важным для нас утверждением отмечу, что ренты копигольдеров, при всем различии их природы и уровня, объединяло то особенное обстоятельство, что они были определенными, фиксированными, «твердыми», т.е. не могли меняться из года в год по воле господина. В данном случае воля лорда, от которой в крестьянском мире зависело очень многое, отступала перед обычаем манора, который был «цементирующим» началом, скреплявшим права крестьян в сфере выплаты ими

³ Не столь давно я опубликовала статью о нерешенных проблемах аграрной истории Англии, представляющую собой в некотором роде итог моей работы в области английского манора. На материалах этой работы отчасти строится и настоящая публикация, поскольку хотелось бы, чтобы фундаментальные (хотя, к сожалению, и отчасти незаслуженно забытые ныне проблемы аграрной истории) нашли свою аудиторию не только у медиевистов, но и в среде специалистов по другим периодам всеобщей истории. См. *Винокурова М.В.* Некоторые нерешенные проблемы аграрной истории Англии XVI–XVIII веков. – Средние века. М., 2015, вып. 76 (1–2), с. 9–40.

⁴ *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Tawney R.H.* Agrarian Problem in the XVI century. London, 1912; *Барг М.А.* К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе (о некоторых закономерностях феодальной денежной ренты). – Вопросы истории, 1963, № 3, с. 72–87; *Лавровский В.М.* Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII вв. М., 1958; *Винокурова М.В.* Мир английского манора; *Kerridge E.* The Movement of Rent: 1540–1640. – Economic History Review. Ser. 2, v. 6, 1953, p. 16–34; Property Rights, Land Markets and Economic Growth in the European Countryside. Turnhout, 2013 и др.

ежегодных рент. Недаром А.Н. Савин писал о том, что манориальный обычай выступал в качестве «материального права» обычного держания⁵.

Если по отношению к средневековому крестьянству в Англии и можно говорить об относительной его обеспеченности, то только потому, что в жизни манора существовал такой важный феномен, как обычай «твердых», т.е. неизменных из года в год, рент.

Итак, подчеркнем еще раз, что вне зависимости от времени складывания обычая, само его наличие влияло на неизменный характер рент. Время же складывания обычая, очевидно, могло влиять на уровень рент. Если в том или ином маноре обычай, регулировавший отношения между крестьянином и лордом в указанной области, возникал и укреплялся в период невыгодной для крестьянства экономической конъюнктуры (например, в эпоху феодальной реакции в Англии XIII в.), то ренты могли закрепляться как высокие. Если же, напротив, обычай складывался в период, с экономической точки зрения тяжелый для господина (периоды крестьянских восстаний), то ренты могли закрепляться как относительно низкие для крестьянства.

Эта совсем не изученная зависимость высоты рент от времени складывания обычая требует тщательного исследования на материале источников по различным регионам Англии⁶. Это нужно для уточнения вопроса о корреляции между владельческими правами лордов и держательскими правами крестьян, особенно в период аграрной революции, когда возникали так называемые «новые обычаи», связанные с непропорциональным взвинчиванием рент, весьма специфически влиявшие на «держательскую конъюнктуру»⁷.

«Странной» особенностью рентных обязательств периода аграрной революции в Англии является зафиксированное в источниках наличие натуральных и даже отработочных рент. Следы вилланского прошлого еще тяготели над копигольдом, проявляясь в условиях их земельных держаний.

Важную роль в списке держательских платежей играли и вступные файны⁸ — взносы за допуск к держанию, которые выплачивали копигольдеры во время смены копий после смерти держателя или перехода участка к другому лицу. В отличие от твердых рент, файны являлись наиболее подвижной частью держательских платежей, так как зависели не от обычая, а от воли лорда. В период коммутации рент и формирования копигольда как особой формы крестьянско-парцеллярного хозяйства (XIII—XIV вв.), файны могли быть относительно низкими или, по крайней мере, разумными. Их размеры, в отличие от твердых рент, хотя и не фиксировались обычаем, но, как правило, не превышали уровня двухгодичного дохода с участка земли — сама практика земельных отношений на копигольде вызывала у лордов стремление не приводить крестьянское хозяйство к экономическому дисбалансу.

В период аграрной революции и революции цен файны стали очень резко увеличивать (в десятки и сотни раз) с тем, чтобы компенсировать так называемые убытки лордов, которые были связаны с «неподвижностью» обычных рент⁹. По сути, именно

⁵ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.

⁶ Исследования такого рода сложны из-за почти полного отсутствия у нас комплекса синхронных по времени массовых источников по меньшей мере двух видов, необходимых для изучения указанной проблемы: 1) протоколов курий, отражавших время складывания обычая и его особенности в разных регионах Англии, и 2) манориальных описей тех же самых регионов.

⁷ См.: Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. (на материалах графства Уилтшир). М., 1992, с. 230—235.

⁸ Употребляя слово «вступной», а не «вступительный», мы следуем традиции, ведущей свое начало с конца XIX столетия и отраженной в трудах П.Г. Виноградова, А.Н. Савина, Е.А. Косминского, М.А. Барга, В.М. Лавровского и других историков отечественной аграрно-исторической школы.

⁹ Конъюнктура рент зависела от движения цен на зерновом рынке. Поскольку в период «удешевления» денег, связанного с притоком драгоценных металлов из Нового Света, цены на зерно (и другие продукты) возрастали, то должны были возрастать и денежные ренты. Между тем номинально их уровень был фиксирован манориальным обычаем. Чтобы возместить свои убытки, связанные с этим фактором, лорды и прибегали к своеобразному способу компенсации, повышая файны, которые не были определены традицией, но, как записано в источниках, «лежали на воле лорда». Повышение файнов, таким образом, было скрытой формой взвинчивания рент.

вступные файлы, многократно взвинчиваемые лордами, играли роль «улучшенной» ренты или «ренты-мечты», о которой писали отечественные исследователи советского периода¹⁰. Они наряду с огораживаниями, являлись чрезвычайно важным рычагом экспроприации английского крестьянства, о чем пойдет речь ниже.

Важную роль в списке повинностей английского крестьянства играли и герियोты (heriots) — поборы, которые взимались с крестьянского хозяйства после смерти держателя. Обычно в качестве этого платежа с крестьянского хозяйства требовали лучшую голову скота (the best beast). Именно в гериотах в наибольшей степени проявлялось вилланское прошлое копигольда, так как они символизировали власть лорда над имуществом крестьянина не только при его жизни, но даже и после смерти, т.е., по сути, власть над личным, человеческим статусом. В XVI—XVIII вв. герियोты нередко коммутировали, т.е. переводили в форму «посмертной» денежной ренты.

Иногда манориальные описи могут являть в отношении рентных платежей весьма парадоксальную картину: так, оказывается, в некоторых регионах Англии периода аграрной революции обычные держатели вовсе освобождались от выплаты рент. Наблюдения за уровнем держательских рент и подсчеты рент копигольдеров в описях крупного (более 35 тыс. акров) манориального комплекса Рочдейл в Ланкашире (Северо-Запад Англии) 20-х годов XVII в.¹¹ приводят к любопытным наблюдениям.

От выплаты рент могли быть освобождены копигольдеры крестьянского типа, связанные передачей земли через курию с представителями местной держательской элиты, состоявшей из лиц благородного происхождения, чей основной социальный статус в маноре к тому же основывался, как правило, на владении крупными участками фригольда. Очевидно, отношения патронажа и покровительства, связывавшие владельцев этих крупных локальных вотчин со скромными в имущественном отношении копигольдерами, могли являться для манориальной администрации побудительным мотивом для проявления избирательного отношения к последним в смысле исполнения ими служб и повинностей в маноре.

От выплаты рент нередко освобождали также тех копигольдеров, держания которых характеризовались низким уровнем годового дохода. Анализ источников позволяет выявить скрытый процесс обратной «сдачи» в курии нерентабельного, бездоходного копигольда, процесс отказа от него лицами благородного происхождения (джентри), которые, как принято считать в историографии, в период аграрной революции яростно стремились на копигольд. Очевидно, что после оформления таких передач в курии, реципиентов (держателей по обычаю) могли освобождать от повинностей с тем, чтобы способствовать воспроизводству их хозяйств.

Основанием для освобождения от выплат могло являться и совмещение держательских статусов внутри манора. Так, держатели по копии манориального суда не выплачивали рент в тех случаях, когда «добавочный» статус крестьянина основывался на договоре об аренде, а тем более — в случае фригольда — базировался на фундаменте общего права. Совмещение статусов, таким образом, могло прибавлять держателю крестьянской свободы в отношении несения повинностей.

От выплаты годовых рент освобождались также вдовы. Право вдовы в манорах Рочдейла явно превалировало над волей лорда.

¹⁰ Речь идет о рентах, которые можно было бы получить с держателей при переводе хозяйства на коммерческий лад, т.е., по сути, превратить большую часть держаний «по обычаю» в держания «на воле лорда» (например, в аренду). См.: *Лавровский В.М.* Проблемы исследования..., *Семенов В.Ф.* Положение обычных держателей Юго-Западной Англии во второй половине XVI — первой трети XVII в. — Средние века, вып. 25, М., 1964, с. 228—250.

¹¹ *The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626.* Ed. by H. Fishwick. Manchester, 1913. См. также: *Винокурова М.В.* Мир английского манора с. 355—366, 452—453.

Кроме того, как отмечено в историографии¹², от рент могли освобождать держателей, земли которых были расположены на территории королевского домена, хотя бы и переданного (как в случае с Рочдейлом) в частные руки. Держательские распоряжки на королевских землях традиционно были отмечены значительной свободой крестьян в отношении несения ими различного рода повинностей.

Кроме того, у нас почти не исследованы такие важные вопросы как ренты свободных держателей и особенно — ренты арендаторов. Это особые исследовательские сюжеты. Здесь лишь заметим, что, например, ренты арендаторов в эпоху аграрной революции не были еще чисто капиталистическими (т.е. не представляли собой избытка над средней прибылью). Они моделировались по типу копигольда, когда за счет высоких вступных файлов с арендатора взималась не только сумма, фиксированная в договоре об аренде, но и та часть прибавочного продукта, которая должна была бы использоваться им на расширение производства, личное потребление и оплату наемного труда. Ниже мы еще вернемся к этим важным вопросам в связи с выдвиганием вопроса о необходимости исследования арендных отношений.

Заключая рассуждения, связанные с рентными отношениями, отметим, что проблема рент ныне настолько же многопланова и перспективна в исследовательском смысле, насколько и «маргинальна»: всё меньше историков связывают свои научные интересы с этой проблематикой, еще столь недавно являвшейся классической. Остается надеяться на возрождение исследовательского интереса историков к этим фундаментальным проблемам манориальной истории.

Не менее многообещающей в исследовательском отношении всё еще предстает проблема огораживаний. Конечно, они в достаточной степени исследованы в литературе¹³, в особенности огораживания XVI в. и тюдоровское законодательство против них. Однако стоит продолжить изучение огораживаний начала XVII в.

В чем состояла их специфика? Какой тип преобладал? Как в это время соотносились движение огораживаний и события восстания 1607 г.? В чем состояли меры правительства Стюартов¹⁴?

Но, пожалуй, одним из самых важных вопросов является вопрос о процессе огораживаний как факторе экспроприации крестьянства — в связи с проблемой судьбы английского копигольда. В свое время в XXIV главе I тома «Капитала» К. Маркс, характеризуя процесс так называемого первоначального накопления капитала в Англии XVI в., писал,¹⁵ что основным рычагом этого процесса являлась *насильственная* экспроприация английского крестьянства (лишение массы крестьян основного средства производства — земли). Анализируя экспроприацию крестьянства с историко-экономической точки зрения, он имел в виду прежде всего процесс огораживаний пахотной земли с целью использования ее в качестве пастбища для овец и получения

¹² *Maitland F.W.* Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897; *Vinogradoff P.G.* Transfer of Land and Old English Law. Cambridge, 1907; *Hilton R.H.* Peasants, Knights and Heretics: Studies in Medieval History. Cambridge, 1976, p. 234–235.

¹³ *Савин А.Н.* Заметка о первоначальном накоплении в изображении К. Маркса. — Помощь. СПб., 1903 с. 455–462; *Семенов В.Ф.* Указ соч.; *Штокмар В.В.* Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. М. — Л., 1962; *Митрофанов В.П.* Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI — начало XVII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987; *Tawney R.H.* Agrarian Problem in the XVI century. London, 1912; *Thirsk J.* Tudor Enclosure. London, 1959; *Kerridge E.* Agrarian Problems in the XVI century and after. London, 1969; *Finberg H.P.R.* Gloucestershire Studies. Leicester, 1957; *Spufford M.* Contrasting Communities: English Villages in the XVI and XVII Centuries. Cambridge, 1974; *Landlords and Tenants in Britain, 1440–1660: Tawney's Agrarian Problem Revisited.* Woodbridge, 2013; *Property Rights, Land Markets and Economic Growth in the European Countryside.* Turnhout, 2013.

¹⁴ См. *Kerridge E.* The Revolts in Wiltshire against Charles I. — Wiltshire Arch. and Natural Hist. Mag. v. LVII, 1958–1959, p. 64–75.

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 725–773.

с них шерсти, высоко ценившейся на европейском рынке, и как следствие — полное обезземеление крестьян и запустение деревень.

Действительно, огораживания представляли собой особую форму монополизации земли господствующим классом; в отечественной историографии они и по сей день считаются основной формой так называемого первоначального накопления капитала и, как указывалось, основным фактором экспроприации крестьянства. Огораживания проводились в виде сгона крестьян с земли с последующим обнесением ее изгородями. Классическое выражение они нашли в Англии XV — начала XIX в.¹⁶, но были известны также в Нидерландах, на Севере Франции и некоторых землях Германии. Чаще всего, как указывалось, пахотная земля, обнесенная изгородью, использовалась под пастбища для овец, шерсть которых применялась в сукноделии. В XV в. шерсть вывозили из Англии во Фландрию, где из нее производили сукно. Позднее сукно стали вывозить в готовом виде.

Основным последствием огораживаний явились многочисленные эвикции, т.е. насильственное изгнание держателей с их участков. Крестьяне, лишённые земли, использовались в поместьях в качестве протонаемных рабочих, либо пополняли ряды бродяг и нищих. Для Англии было особенно характерным запустение деревень, рост дороговизны и бродяжничества. В XVI в. пауперизм стал подлинным социальным бедствием; наблюдался отток деревенского населения в города. Так, в Лондоне начала XVII в. около $\frac{1}{4}$ его жителей составляли деклассированные элементы.

Однако исследования последнего времени¹⁷ показывают, что огораживания являлись далеко не единственным и по отношению к территории *всей* страны — может быть, не самым массовым способом экспроприации крестьян. Так, в частности, в удаленных от центра, так называемых «маргинальных» регионах Англии (например, Юго-Запад и Северо-Запад) описи маноров, являющиеся основными источниками по вопросам, связанным с жизнью сельского мира, фиксируют очень незначительное количество огороженных крестьянских участков или не фиксируют их совсем.

Например, в XVI в. в обширных поместьях графов Пемброков в Уилтшире общей площадью почти 40 тыс. акров, площадь огороженных участков колебалась между 3% и 6% общей площади земли, фиксированной за крестьянством. В не менее обширном комплексе маноров Рочдейл в графстве Ланкашир описи не фиксируют и 1% огороженных участков.

Неизмеримо большей угрозой для стабильности крестьянского землевладения в указанных регионах являлся процесс постепенного вытеснения трудовых крестьянских семейств с копигольдерских держаний, внедрение на эти держания представителей тех общественных прослоек, которые не стремились хозяйствовать на этой земле, а хотели превратить ее в источник рентных доходов или коммерческой прибыли.

Обычно это внедрение происходило в тот момент, когда сроки крестьянского держания истекали, а лорд манора, нарушая обычай, требовал на момент смены копий по истечении срока держания столь высокий вступной фанн, в десятки и сотни раз превышающий установленные обычаем размеры, что принимающий землю крестьянину-наследнику приходилось отказываться от нее: ему просто нечем было платить. Тогда-то в деревне и появлялся толстосум (арендатор, джентри, купец из города, мануфактурист, реже — зажиточный фригольдер-сосед), для которого любой фанн был приемлемым.

Таким образом, основным фактором экспроприации крестьян в указанных зонах являлись не огораживания, а фактор повышения фаннов за допуск к держанию. Специфика этого процесса состояла в том, что он был, в отличие от бурно протекавших в центральных регионах страны огораживаний, скрытым, неявным — и потому менее заметным для современников.

¹⁶ См. Семенов В.Ф. Указ. соч.; Лавровский В.М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии. М. — Л., 1940.

¹⁷ См. Винокурова М.В. Мир английского манора с. 444—445.

Процесс «скрытой» экспроприации крестьянства был отражен отнюдь не в сочинениях современников, подобных «Утопии» Томаса Мора (текст ее, как известно, использовался К. Марксом в качестве источника при написании XXIV главы I тома «Капитала»). Этот процесс зафиксирован в скромных (хотя и объемных) поместных описях и списках рент, не имевших никакого общественного звучания, и, конечно же, не использованных классиками марксизма при анализе процесса первоначального накопления в Англии.

Файны повышались в момент смены держателей в манориальных куриях — как указывалось выше — в соответствии с «волей лорда», в XVI в. уже ориентированной на конъюнктуру рынка. В эпоху бурных перемен в жизни английской деревни XVI—XVII вв. именно они являлись «компенсационным» фактором, с помощью которого в период революции цен¹⁸ манориальные лорды стремились уменьшить свои убытки, связанные с «неподвижностью» ежегодных крестьянских рент. С помощью повышения файнов крестьянские держания «по обычаю манора» превращались в держания «на воле лорда», напоминавшие раннекапиталистическую аренду договорного типа.

Именно таким образом протекал процесс массовой узурпации держательских прав английского крестьянства не насильственными, а так называемыми «мирными» средствами, применяемыми в рамках внутриместного, обычного права, причем в манориальной курии и при участии поместной администрации. Мог ли быть указанный процесс в то время замечен кому-нибудь, кроме представителей его страдающей стороны — самого английского крестьянства? Вряд ли. Именно крестьяне жаловались на «чужаков», «ненасытных волков» из рядов горожан, арендаторов и джентри¹⁹, которые своим согласием выплачивать многократно взвинченные файны лишали бедноту и середняков их земельных участков, собирали в своих руках сразу по несколько дворов и сотнями акров пополняли свои владения за счет крестьянского копигольда.

Несомненно, положить предел этому процессу можно было бы лишь превращением копигольда в свободное держание (фригольд), что сделало бы процесс распоряжения наделами со стороны самого крестьянства независимым от воли лорда.

¹⁸ Не забудем, что в указанное время на судьбе крестьянских держаний сказывались и процессы, происходившие в обществе в связи с Реформацией и, в частности, диссольцией монастырей, что также не могло не влиять на рыночную конъюнктуру, в свою очередь, определявшую конъюнктуру рент. Вообще проблема формирования земельного рынка в процессе Реформации очень важна и недостаточно исследована в историографии. После книги А.Н. Савина о секуляризации (*Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906*) в отечественной литературе не появлялось столь же фундаментальных трудов, связанных с анализом «Церковной оценки», в которых акцентировалась бы специфика процесса формирования земельного рынка в связи с исторической судьбой копигольда. Однако отчасти указанный вопрос анализируется в работе М. Спаффорд об английском крестьянстве: *Spufford M. Op. cit.*

¹⁹ Проблема «роста джентри» не потеряла ныне своей актуальности, хотя и рассматривается теперь под иным углом зрения. Если ранее, в ходе нашумевшей дискуссии 1940—1950-х годов, связанной с именами Р.Г. Тоуни и Х.Р. Тревор-Роупера и сторонниками каждого из них, историки в основном проводили подсчеты, связанные с ростом землевладения джентри в канун «Великого мятежа», то позже наметилась тенденция выявления и «роста» локальных дворянских элит, а также их роли в политических и конституционных конфликтах национального масштаба. См.: *Roots I. The General Government and the Local Community. London, 1968; Everitt A. The Local Community and the Great Rebellion. London, 1969; Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent: 1500—1640. Hassocks, 1977; Hoskins W. Local History in England. London — New York, 1984; Landlords and Tenants in Britain, 1440—1660: Towner's Agrarian Problem Revisited. Woodbridge, 2013; Property Rights, Land Markets and Economic Growth in the European Countryside. Turnhout, 2013. Об этом также см.: Шарифжанов И.И. Современная английская историография буржуазной революции XVII века: основные идейно-методологические тенденции и направления. М., 1982; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. Винокурова М.В. К вопросу о составе локальных дворянских элит в Северо-Западной Англии 20-х годов XVII века. — *Universitas Historiae. Сборник статей в честь П.Ю. Уварова. М., 2016, с. 101—109.**

При анализе специфики процесса экспроприации английского крестьянства не следует проходить мимо той особенности его положения в указанный период, которая заключалась в так называемом совмещении держательских статусов внутри манора. Последствия процесса экспроприации, при всей их отчетливой выраженности, возможно, могли быть не столь уж губительными для некоторых категорий сельского населения, поскольку для периода аграрного капитализма, как показывают описи, было вполне обычным владение различными по статусу участками земли.

Так, крестьянин-копигольдер в том или ином маноре мог являться арендатором или фригольдером в этом же (или другом) поместье. В таких случаях эвикция обычного держания, ввиду обнесения его изгородью или перехода в руки нового дворянина, заплатившего высокий вступной фэйн, не лишало крестьянина возможности хозяйствовать на другом участке земли. Совмещение статусов внутри манора, таким образом, могло прибавлять держателю крестьянской свободы и минимизировать урон, наносимый печально знаменитыми эвикциями.

Ныне задача исследователей в области аграрной истории Англии XVI в. состоит в том, чтобы по возможности полно выявить долю держателей, совмещавших статусы, — на материале различных регионов страны. Этим можно было бы не только прояснить вопрос об особенностях экспроприации сельского населения страны, но также внести определенные коррективы и в наши представления о проблеме дифференциации крестьянства в канун Английской революции середины XVII в.

В отечественной историографии утвердилось мнение о том, что накануне революции крестьянство было сильно дифференцировано, размыто и ввиду этого обстоятельства проявило слабость, не продемонстрировав необходимой для «классовых битв» сплоченности. Думается, что изучение проблемы о совмещении держательских статусов крестьян могло бы внести некоторые необходимые поправки в понимание процесса «размывания» среднего ядра крестьянства и приблизить отечественную науку к более четкому представлению о роли крестьянства в революции середины XVII в.

Исследование роли крестьян в период революции и гражданских войн — одна из насущных задач нашей историографии. Это почти совсем не изученная проблема. Как повлиял хаос революции на крестьянство? Насколько расслоение крестьян в канун революции предопределило слабость в ней «народного элемента»? Этот вопрос стоит тщательно исследовать на основе работы с источниками манориальной истории; тогда будут внесены известные коррективы в понимание специфики крестьянских выступлений 40–50-х годов XVII столетия — проблеме, поставленную и отчасти изученную С.И. Архангельским более полувека назад²⁰.

Возвращаясь к проблеме огораживаний, отметим, что необходимо продолжить и исследование особенностей парламентских огораживаний в Англии конца XVIII в. Этот вопрос в отечественной историографии был основательно изучен В.М. Лавровским, но с тех пор прошло более 70 лет²¹.

Известно, что проблемой, разработке которой В.М. Лавровский посвятил большую часть своей жизни, была проблема аграрного развития Англии конца XVI — начала XIX в., которая более конкретно может быть сформулирована следующим образом: основные этапы экспроприации английского крестьянства и образование крупного капиталистического поместья.

Указанные вопросы частично разрабатывались и до В.М. Лавровского в первой четверти XX в. английскими историками Д. Слетером, Э. Гоннером, В. Кертлером²² и др. Но их подсчеты носили лишь приблизительный характер, так как они пользовались актами огораживаний, дававшими неточные сведения о специфике послед-

²⁰ Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40-е — 50-е гг. XVII века. М., 1960.

²¹ Лавровский В.М. Парламентские огораживания...

²² Slater G. The English Peasantry and the Enclosure of Common Fields. London, 1907; Gonner E.C.K. Common Land and Enclosure. London, 1912; Curtler W.H.R. The Enclosure and Redistribution of our Land. London, 1920.

них. Для ответа на основной вопрос, который поставил перед собой В.М. Лавровский (в какой пропорции были поделены огороженные земли между различными классами сельского населения Англии), нужны были источники иного типа — приговоры об огораживании, которые составлялись парламентскими комиссарами во исполнение постановления (письменного акта) парламента. Именно в них содержались подробные сведения о количестве земли, оказавшейся в руках различных классов и социальных групп.

В 1925–1926 гг. В.М. Лавровский находился в командировке в Лондоне и работал в Public Record Office. Он пошел по пути выборочного статистического исследования, т.е. не выбирал, а брал наудачу тот или иной приговор, когда в указателе для данного прихода имелся не один, а несколько документов. Этим обеспечивалась подлинная объективность и независимость исследования. В результате В.М. Лавровский смог показать парламентские огораживания как заключительный аккорд в процессе расслоения и экспроприации английского крестьянства. Этот процесс вел свое начало со времен бурной эпохи первоначального накопления, проходил через революционный XVII век и стал наиболее отчетливым как раз ко времени парламентских огораживаний в их связи с промышленным переворотом, для которого последние являлись одним из факторов, высвобождавших источники рабочей силы²³.

Таким образом, парламентские огораживания явились решающим импульсом, способствовавшим кардинальному и окончательному изменению социальной структуры английского манора, и приведшим к замене двучленного деления этого общества (лендлорд — крестьянин) новыми производственными отношениями капиталистического типа (лендлорд — капиталистический арендатор — наемный рабочий).

Однако, как представляется, стоит продолжать исследовать указанный процесс не только с точки зрения радикальной экспроприации сельского населения и эволюции манора в направлении капиталистического развития. Хорошо бы непосредственно рассмотреть тот гигантский слой крестьян, который образовался в результате санкционированного государством массового ограбления копигольдеров. Насильственно и с «парламентским» размахом эвктированное крестьянство, вошедшее в этот слой, по сути, явилось той самой наемной рабочей силой, которая была столь нужна Англии в период промышленного переворота, совпадавшего по времени с парламентскими огораживаниями.

Есть смысл продолжить исследования в указанном направлении, т.е. на стыке переплетения двух указанных глобальных процессов в аграрном и промышленном строе Англии конца XVIII в., выражавших социальную динамику зарождавшегося Нового времени.

Не менее важной проблемой является ныне и проблема эволюции копигольда: от его происхождения из вилланского «дома» в XIII–XIV вв. — до исчезновения как вида крестьянского держания и замены фермерским хозяйством в XVIII в.

По сути, в данном случае речь идет об исторической судьбе держания по обычаю. Важным и малоизученным является и вопрос об отражении исторического развития этого вида держания в английском праве. Правовые сюжеты в манориальной истории Англии — проблематика, практически не исследованная в современной историографии.

Хотя еще А.Н. Савин писал о том, что в XV–XVI вв. история обычного держания почти совпадала с историей крестьянства в целом²⁴. Действительно, держание по обычаю манора, формально-юридическое основание которого представляла собой копия манориального протокола о передаче земли от лорда манора (отсюда — копигольд), составляло в то время более $\frac{3}{4}$ общей площади крестьянских держаний. Судьбу этого самого многочисленного слоя населения Англии во многом определяла, по А.Н. Савину,

²³ О роли В.М. Лавровского в исследовании процесса парламентских огораживаний см.: *Винокурова М.В.* К 100-летию В.М. Лавровского. — Средние века, М., 1991, вып. 54, с. 188–201.

²⁴ *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903, с. 58, 60, 77, 124–140.

«сила исторической инерции». Ведь копигольд вышел из «древнего дома», из низкого вилланского держания. Предками или предшественниками большинства копигольдеров были люди лично зависимые, вилланы феодального периода.

История копигольда до А.Н. Савина была разработана очень мало, поскольку его предшественники (П.Г. Виноградов, Ф.У. Мейтленд, Ф. Сибом) изучали в основном средневековое вилланство как социальный и (особенно) правовой институт и старались отыскать его «загадочные корни». Только английский историк И. Лидем, опубликовавший в свое время итоги обследования протоколов Комиссии Вулси по делам огораживаний²⁵, сделал социальную историю Англии эпохи Тюдоров специальным предметом изучения, но и он, будучи юристом по образованию, встал на путь анализа правовой доктрины копигольда, преувеличив к тому же степень его обеспеченности.

Таким образом, до А.Н. Савина вопрос о происхождении копигольда так и не был выведен за рамки противоречивых гипотез; и только ему в блестяще исполненном ретроспективном обзоре истории юридической теории копигольда удалось представить критический анализ сочинений крупнейших знатоков английского права от У. Блэкстона (XVIII в.) до Г. Брактонна (XIII в.). Он проанализировал трактаты У. Блэкстона, Т. Смита, Д. Фицджерберта, Д. Нордена, Т. Литтлтона, Флеты, Г. Брактонна²⁶ и некоторых других авторов и показал, что правоведы XVI–XVIII вв., преувеличивая обеспеченность копигольда, стремились уверить современное им общество в том, что копигольдеры развиваются по тому же пути, что и свободные держатели.

Действительно, такие виднейшие юристы, как, например, Эдуард Кок и Уильям Блэкстон вопреки очевидности настоятельно подчеркивали линию укрепления владельческих прав обычных держателей в эпоху экспроприации английского копигольда²⁷. А ведь разрушительные для судеб английской деревни последствия огораживаний и наступление лендлордов на общинные права в XVI в., как указывалось выше, были вполне очевидными для современников. Точно так же длинная череда юридических и экономических узурпаций в отношении копигольда (и даже фригольда) на протяжении XVIII в., включая упомянутые парламентские огораживания, свидетельствовала об окончательном его переходе в руки джентри и образовании поместья нового, капиталистического типа во времена У. Блэкстона.

Юристы же как будто не замечали всего этого — в их трактатах, политически ангажированных, вопреки очевидности проводилась линия на укрепление владельческих прав английского крестьянства. Можно согласиться с А.Н. Савиным в том, что такое «намеренное извращение истории было неизбежно в стране, где юридическая жизнь опирается на прецеденты и где люди более всего гордятся непрерывностью своих традиций»; это был один из признаков глубоких перемен в общественном строе. А.Н. Савин мастерски вскрыл противоречие между реальной жизнью и ее искаженным отражением в английском праве.

Зачем же нужно было это сознательное искажение действительного положения вещей? Очевидно, отчасти с тем, чтобы уверить нацию в благополучном развитии ее самого многочисленного и малообеспеченного слоя — крестьянства и в эпоху политических потрясений создать иллюзию правового радения о народе. С этой же целью в указанный период судами общего права проводилась и частичная рецепция манориального обычая.

Как это было? Отметим, что разбор дел копигольдеров в судах общего права начался, как считается в историографии²⁸, с конца XV в., а в начале XVII в. происходит

²⁵ *Leadem I.S.* The Inquisition of 1517. — Transactions of the Royal Historical Society, Ser. 2, v. 6, 1892; v. 7, 1893; v. 8, 1894.

²⁶ *Савин А.Н.* Английская деревня..., с. 77–123.

²⁷ *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England or the Commentaries upon Littleton. London, 1628; *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Philadelphia, 1859.

²⁸ *Савин А.Н.* Английская деревня...; *Tawney R.H.* Agrarian Problem in the XVI Century. London, 1912; *Лавровский В.М.* Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966; *Винокурова М.В.* Мир английского манора, с. 202–205.

частичная рецепция этими судами манориального обычая, гарантировавшего относительную обеспеченность и стабильность миру английского средневекового манора. Копигольдеры начинают апеллировать, помимо Канцлерского суда, к новым судам справедливости: Палате прошений и Звездной палате. Но в это время частично принятый общими судами обычай уже почти не защищал копигольда. В свое время А.Н. Савину удалось показать, что суды общего права хотя и принимали прошения крестьян, пытаясь рассматривать их с применением норм обычая, но принятые решения чаще всего свидетельствовали не в пользу копигольдеров, а иногда дела и вовсе не рассматривались.

Еще раз подчеркнем, что к XVI–XVII вв. обычай уже был «деформирован» ориентированной на рыночную конъюнктуру «волей» лорда и не защищал крестьянина, как в былые времена. «Душой» копигольда в указанный период обычай оставался чисто номинально. Рецепция такого обычая была удобной ширмой для тех самых джентри, которые и претендовали на копигольд; она, очевидно, могла быть и удобной юридической «делкой», с помощью которой можно было прикрыть ряд прямых узурпаций и отвергнуть требование превращения копигольда во фригольд. Полная рецепция такого обычая вряд ли была бы полезна; она была к тому же уже несвоевременна.

Работу А.Н. Савина в указанном направлении в 60-х годах XX в. продолжил В.М. Лавровский, изучивший трактаты вышеназванных правоведов и также пришедший к выводу о намеренном искажении ими реальной истории копигольда²⁹.

В настоящее время имело бы смысл вернуться к указанной проблематике, изученной в основном на уровне отдельных трактатов, и заняться исследованием таких массовых материалов как тяжбы крестьян с лордами, которые представлены в документах судов общего права Англии в XVI–XVIII вв., с одной стороны, и в протоколах манориальных судов – с другой. Сравнение этих материалов позволило бы детально прояснить вопрос о специфике рецепции обычного права в указанный период. Такого рода исследования имеются в нашей историографии для XIV в.³⁰, но для XVI–XVIII вв. их нет, в то время как этот аспект истории английского крестьянства следовало бы изучить со всей возможной тщательностью. Ведь правовая история английского крестьянства у нас еще не написана. Эта тема предполагает широкий простор для исследовательской работы – лишь бы нашлись желающие учиться и разрабатывать этот интереснейший, хотя и очень непростой вопрос.

Одной из малоисследованных проблем современной историографии является проблема манориального обычая как основы «жизнедеятельности» мира английского поместья. Существо обычая состояло в его «стародавности и непрерывности». Чем более древним, старым был обычай, чем более забывались истоки его возникновения, тем основательнее могла быть ссылка на него при разборе тяжб держателей и лордов: незапамятность обычая служила критерием его легитимности в маноре.

Обычай, по словам А.Н. Савина, как упоминалось выше, был душой и жизнью копигольда. Он являлся внутриманориальным нравственным законом, этическим регулятором средневековой деревенской общности, ее объединяющим началом, средоточием памяти целых поколений. Обычай был и материальным правом обычного держания – именно он ограждал крестьян от чрезмерных притязаний лордов в практике определения уровня рент и вступительных взносов, гериотов и размеров земельной площади.

Но если в XIV–XV вв. обычай более или менее защищал английского копигольдера от проявлений произвола манориальной администрации, то ко времени аграрной революции «воля лорда», как указывалось, всё более эволюционировавшая в капиталистическом направлении и ориентированная на конъюнктуру рынка, уже превалировала над обычаем. Это, в частности, выражалось в массовом, резком и многократном

²⁹ Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории...

³⁰ Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе. М., 1984, с. 46–84.

повышении файнов за допуск к держанию, о чем уже не раз упоминалось выше. Так что традиции менялись, изобретались и очень часто закреплялись в соответствии с новыми интересами и потребностями.

Вопрос об эволюции и роли обычая, за исключением отдельных исследований, практически не ставился в отечественной (да и в зарубежной) историографии со времен А.Н. Савина и Д.М. Петрушевского³¹. Между тем необходимость исследования данного вопроса в современной отечественной историографии давно назрела. Лишь его детальная разработка поможет показать английский манор не только как организационную форму для присвоения феодальной ренты (а именно такая постановка вопроса существовала в нашей историографии вплоть до последнего времени), но и как особую, живую форму деревенской общности, в основе которой лежал неповторимый в своих локальных проявлениях манориальный обычай.

В связи с этим возникает вопрос о необходимости продолжить изучение проблемы «последнего вилланства». Когда-то эту проблему поставил А.Н. Савин, обнаруживший в некоторых манорах Англии XVI в. держателей, не слишком похожих на типичных копигольдеров того времени и в наименьшей степени защищенных обычаем; крестьян, скорее напоминавших средневековых крепостных — вилланов³². Поскольку в историографии того времени считалось, что к указанному времени крепостное состояние было уже изжито ввиду массовых отпусков вилланов на волю (по отпускным грамотам и за выкуп), то А.Н. Савину не оставалось ничего другого, как назвать этих держателей «последними» (постепенно исчезающими) вилланами.

Однако, зафиксировав наличие в сельской Англии XVI в. последних вилланов, исследователь не задался вопросом об экономическом и правовом различии между ними и типичными копигольдерами. Это различие было выявлено много позже на материалах манориальных описей Юго-Западной и Северо-Западной Англии³³. Так было, например, показано, что вилланское держание в XVI в., как и в давние времена, не могло передаваться по наследству (как это, согласно обычаю, могло быть в случае с копигольдом). Регистрация такого держания в курии все еще нередко сопровождалась выдачей не копии договора, а соломинки или прута, как в XIII в. Последние вилланы платили также более высокие ренты и файны, чем копигольдеры. Они отработывали барщину большее количество дней в неделю и чаще несли низкие, «грязные» повинности (вроде чистки выгребных ям и канав). Последние вилланы не могли даже мечтать об обращении в суды общего права, в то время как в указанный период обычные держатели все же дерзали в некоторых случаях апеллировать к суду Канцлера (Chancery).

Очень тяжелым в XVI в. было и моральное состояние последних вилланов. Свободное население манора смотрело на них пренебрежительно и считало ниже своего достоинства родниться с ними. В этом смысле, как справедливо пишет А.Н. Савин, при Тюдорах и Стюартах вилланам жилось гораздо хуже, чем при Плантагенетах. В XIII—XIV вв. экономическое положение вилланов, возможно, было тяжелее, но в повседневности они, по-видимому, чувствовали себя лучше, составляя в то время основную часть сельского населения и представляя «самый большой класс нации». Соседи тогда не могли попрекнуть виллана его «рабской кровью» — они сами были крепостными. Однако в XVI в. положение последних вилланов в этом смысле изменилось: они стали для общества «нежелательным напоминанием об исчезнувшем порядке вещей». А.Н. Савин справедливо считал, что «принадлежать к презираемому общественному классу трудно даже тогда, когда он очень велик; бремя страдания становится невыносимой тягостью, когда оно не облегчается сознанием, что другие разделяют те же страдания»³⁴.

³¹ См. об этом: Гутнова Е.В. Указ. соч.; Винокурова М.В. Мир английского манора, с. 179–251.

³² Савин А.Н. Указ. соч., с. 141–207.

³³ См. Винокурова М.В. Указ. соч., с. 217–229.

³⁴ См. Савин А.Н. Указ. соч., с. 42–44.

Вот эти-то интересные сюжеты следует непременно изучать на материале различных локальных зон Англии периода аграрного переворота. Если удастся доказать наличие определенного процента «последнего вилланства» во *многих* манорах страны, то это, вне всякого сомнения, не только внесет коррективы в наше понимание процесса дифференциации сельского населения в канун революции середины XVII в., но и поможет лучше понять крестьянскую повседневность.

В связи с необходимостью исследовать обрисованные выше малоизученные и очень интересные сюжеты аграрной истории Англии, связанные с манориальным обычаем, возникает вопрос еще об одном, особенно актуальном ныне, исследовательском аспекте. Речь идет о соотношении обычая, повседневности и способах передачи памяти в маноре.

Представляется, что проблему «повседневного» в средневековом маноре можно изучать на основании двух *основных* типов источников: 1) протоколов манориальных курий и 2) описей маноров.

Протоколы курий — источники малоразговорчивые, но не требующие от исследователя интенсивного применения специальных, в частности, количественных, приемов раскодирования (в отличие от практики работы с описями маноров, которая целиком построена на статистике).

Протоколы — это записи судебных заседаний, происходивших в маноре с определенной последовательностью, во время которых «прямым текстом» фиксировалась живая жизнь крестьянского мира. Этот тип документов дает ответы на столь важные вопросы как, например, правила наследования земли в маноре (и исключения из них), межкрестьянские тяжбы и споры, тяжбы крестьян с лордами, а также проливает свет на малоисследованный вопрос о проступках и наказаниях в крестьянском мире. Этот тип источников дает живые картины крестьянской повседневности³⁵.

Многолетняя исследовательская работа в области истории средневекового манора позволяет считать, что роль основного «собирателя и накопителя» всего повседневного играл упомянутый выше манориальный обычай. Регулирующая и направляющая роль обычая проявлялась во всех сферах жизнедеятельности английского манора, обеспечивая определенные, почти константные и повседневно закрепляемые традицией нормы в 1) области экономической, материальной (земли и ренты); 2) в праве наследования; 3) в области внутриманориальной юрисдикции; 4) в сфере регулирования имущественных прав женщин, включая сферу действия «вдовьего права»; 5) в соблюдении поведенческих норм. Мы уже писали о том, что обычай являлся душой и жизнью манориального мира (А.Н. Савин), его внутренним нравственным законом, этическим регулятором деревенской общности, инструментом полицейской юрисдикции. Он, наконец, был средоточием, вместилищем повседневного бытия и на этой основе — памяти целых поколений.

Обычай, по сути, являлся основной и, пожалуй, единственной нематериальной «составляющей» обычного права, регулировавшего отношения крестьянской повседневности. Однако нематериальный, невещественный характер этой «составляющей» вовсе не означал ее иллюзорности, поскольку те действия населения манора, которые основывались на обычае, носили вполне конкретный и реальный характер. Но специфика воздействия обычая на крестьянскую повседневность состояла как раз в том, что его «нематериальная душа», будучи таковой при возникновении этого феномена, становилась вполне материальной при условии фиксации обычая в протоколах курии или описях маноров.

Очень важными критериями легитимности обычая в пределах памяти поколений и в крестьянской повседневности могли быть его разумность и неизменность («твердость») — по крайней мере, в сфере, наиболее «жизненной» для крестьянства, которая

³⁵ *Винокурова М.В.* Мир английского манора, с. 17–39, 206–217.

была связана с поземельными и рентными отношениями между лордами и держателями. Выше мы уже писали об этом.

Не забудем также, что повседневность с течением времени вносила коррективы в обычай, формируя новые нормы, которые, в свою очередь, становились обычными для крестьян и в этом своем виде отражались в протоколах курии и описях. Возникал некий алгоритм бытования, функционирования писаного местного права.

В этом смысле манориальные источники являют нам пример отражения не только самого этого права, но также более глубокого и широкого понятия: памяти целых поколений английского крестьянства, основанной на повседневно повторяемых действиях и понимаемой не только в качестве памяти о прошлом, но и в качестве фиксируемого в письменной традиции манора процесса непрерывности повседневного бытия³⁶.

Отметим, что источниками по истории повседневности и, в частности, обычая и обычного права являются не только протоколы курий (о которых упоминалось выше), но и манориальные описи и рентали, в которых как раз и фиксировался базисный для крестьян обычай твердых рент и вообще всё то, что было связано с их повинностями. Т.е. протоколы курий — это хотя и важная, но всё же не единственная составляющая манориальной документации по обычному праву и истории повседневности. Сами описи тоже пронизаны обычаем, как и правовыми возможностями и «невозможностями» крестьянства в повседневной жизни. Это закрытые, закодированные сложным покровом юридических формул источники, основной формой выражения которых к тому же является цифровой материал. Они нуждаются в особых приемах раскодирования, расшифровки, в особых методах герменевтической реконструкции, сопряженной к тому же с процессом массовых статистических подсчетов.

Сведения описей разнесены клерками по именам держателей (имя и фамилия, площадь земли и типы угодий, ренты, доходы, файны и т.д.). И так для каждого из лиц, занесенного в описи. Эти позиции однотипны, они фиксируются с максимальной степенью тщательности. Таким образом, когда исследователь сегодняшнего дня, следуя правилам классической методики работы с документами по аграрной истории, готовит специальную таблицу на каждого из держателей, куда вносит все указанные данные, то «сетка» такой таблицы — не выдумка, не изобретение историка, старающегося сплести тенета для того, чтобы уловить «повседневное» в прошлом. Эта сетка основывается на реалиях *той* жизни, она отражает данные источника совершенно объективно. В этой истинности и объективности данных, продиктованных самим прошлым, заложена возможность исследовать проблему повседневного (как и проблему исторической памяти), особым образом — в виде проведения сравнительно-статистических экспериментов при сравнении земельных кадастров, относящихся к различным хронологическим периодам (а иногда и к разным регионам). Результаты таких исследований, будучи сначала абсолютно непредсказуемыми для самого историка, в конечном итоге полностью поддаются проверке.

Описи представляют собой особую, материализованную форму передачи памяти в маноре; это очень надежные и репрезентативные источники, в которых ощущимо отражена как индивидуальная, так и коллективная (групповая, сословная) повседневность, основанная на роли традиции и определенного алгоритма учета данных при составлении указанных документов.

В чем могло выражаться чувство повседневного и чувство непрерывности бытия в крестьянской жизни? Думается, прежде всего в обычности жизни. Не в обыденности, а именно в обычности, в ощущении некоей определенности, повседневной константности, традиционности, основанной на управлении этой жизнью манориальным обычаем, перед которым нередко отступала и воля лорда.

³⁶ См. *Винокурова М.В.* Формы передачи памяти в средневековом английском маноре. — Историческая память. Люди и эпохи. Тезисы науч. конф. (Москва, 25–27 ноября 2010 г.). М., 2010, с. 55–58.

Крестьянин знал, как знали его дед и прадед, что он держит от лорда именно этот, определенный участок земли, расположенный там-то, включающий столько-то акров земли, состоящий из такого-то количества акров пахоты, пастбища, луга и других угодий. Он знал, что платит за него столько-то пенсов (или шиллингов) ренты, такой-то файн. Иначе и быть не могло, поскольку вся эта информация была самым тщательным образом отражена не только в протоколе о держании, составлявшемся в курии, но и в *копии* этого протокола, находившейся в руках держателя и хранившейся у него. Всё это и было важно передавать из поколения в поколение — т.е. чувство «укорененности», стабильности бытия именно данной крестьянской семьи. Разумеется, существовали и устные формы передачи «памятного повседневногo»: через рассказы отцов и матерей сыновьям, дедов и бабушек — внукам, соседей — соседям и пр. Однако следует подчеркнуть, что все же основной формой передачи повседневногo, сконцентрированной в местных обычаях, была письменная его фиксация — через письменное закрепление повторяемого, «обычного», в документах курии: манориальных описях и протоколах.

Таким образом, возможность исследовать обычай и связанную с ним повседневную жизнь населения английского манора (обнаруживая при этом за строками документов по аграрной истории живых людей) наводит на мысль о том, что манориальная история может и должна интерпретироваться не только как социальная, но и как антропологически ориентированная история. Именно с учетом данного аспекта ее и следовало бы изучать в дальнейшем, не ограничиваясь представлением о маноре лишь как о специфической форме для присвоения ренты³⁷.

Очень важным аспектом тех малоизученных проблем аграрной истории Англии, о которых идет речь, является также специфика корреляции манориального права, выраженного в обычае, и правил, связанных с функционированием крестьянской общины. Эта проблема, насколько нам известно, для XVI—XVII вв. даже не поставлена в историографии и пути ее разрешения ныне не представляются ясными. Дело в том, что в тех объемных, а главное — тщательно составленных, манориальных источниках, с которыми доводилось работать автору этой статьи, фиксация общинных земель практически отсутствует. Иногда встречаются только термины «commons» и «common fields», отражающие наличие неких общинных прав. Складывается впечатление, что в раннее Новое время община не играла в Англии той важной роли, которая была ей присуща в период Средневековья. Мы не можем для этого времени говорить об «общинной организации английской деревни». Представляется, что община находилась в почти полном подчинении у манора.

Думаю, что манор постепенно «поглощал» общину, поскольку в его курии было сосредоточено все внутреннее самоуправление, осуществляемое лордом, его администрацией и представителями крестьянского мира; самоуправление, опиравшееся на два внутриместных правовых рычага: «волю лорда» и обычай. Ввиду этих обстоятельств, манор, правила жизни которого в значительной степени были выражены в обычае, явно превалировал над общинным началом в английской деревне. Это подтверждается тем простым указанным выше обстоятельством, что манориальные

³⁷ В этой связи не могу не упомянуть еще о двух важных вопросах, отчасти исследованных автором этой статьи. Во-первых, речь идет о необходимости изучать имущественные права женщин и особенно вдов в маноре и на этой основе исследовать специфику вдовьего права, связанного с земельными «передвижками» при наследовании недвижимости. Во-вторых, следовало бы детально изучить и проблему «манориальных городов» — ее еще называют проблемой так называемых «малых городов», обозначенных в источниках, в частности, термином «borough», и в социально-экономическом плане совмещавших в раннее Новое время черты манора и города. См. об этом: *Dyer Chr. Small Towns: 1270—1540. — The Cambridge Urban History, v. I. Cambridge, 2000, p. 505—537; idem. Small Places with Large Consequences: the Importance of Small Towns in England. — Historical Research. 2002, v. 75, p. 1—14; Cannon M. The Borough. London — New York, 1995; Винокурова М.В. Мир английского манора..., с. 229—250, 142—157.*

описи, скрупулезно фиксировавшие все типы земельных держаний, содержат совсем немного информации об общинной земле.

Так или иначе, на данном этапе развития историографии важно поставить проблему соотношения манора (обычая) и общины и постепенно искать пути к ее разрешению.

По-прежнему малоисследованной остается и проблема капиталистического лизгольда (аренды). Между тем ее изучение очень важно, так как именно в развитии указанных отношений в XVI–XVIII вв. в значительной степени проявлялся процесс генезиса капитализма в аграрной сфере Англии. Развитие капиталистической аренды происходило одновременно с экспроприацией крестьянства и более того — нередко именно за счет этой экспроприации. Проблема формирования аренды, наиболее выгодной манориальным лордам по причине подвижных, регулируемых не обычаем (как на копигольде), а рыночной конъюнктурой, арендных плат, фиксированных договором, является одной из важнейших проблем аграрной истории Англии. Она, конечно, отчасти изучена на уровне эмпирических наблюдений. Так, ученые сосредотачивают свое внимание на исследовании таких аспектов аренды как ее размеры, сроки и высота арендных плат³⁸.

При этом нередко отсутствует детальная сословная характеристика аренды, проблема соотношения экономического статуса этой формы землепользования и сословного статуса лиц, в распоряжении которых она находилась, характеристика процесса взимания арендных платежей и т.д.

Кроме того, в историографической практике любая крупная аренда, размеры которой определяются, как правило, по размеру пахотной площади, сданной арендатору, уже считается арендой капиталистического типа. Но между тем в XVI–XVII вв. все еще существовали феодальные, а также переходные по своей экономической сущности, формы крупной аренды. Крупная — не значит капиталистическая. Ведь и в эпоху крестовых походов рыцари, уходившие из Англии в Иерусалим, являвшиеся очень крупными земельными собственниками, сдавали в аренду на время своего отсутствия отнюдь не мелкие «куски» доменов.

Не важнее ли искать истину в плоскости рентных отношений? Стоило бы основательно заняться выявлением условий возникновения того «поворотного момента» в аграрной истории Англии эпохи первоначального накопления, который знаменовал превращение феодальной по своей природе денежной ренты крупных арендаторов в ренту капиталистическую. Необходимо изучить внутренний механизм функционирования аренды и взимания рентных платежей на земле этого статуса.

Если бы удалось доказать, что ренты арендаторов в XVII–XVIII вв. уже повсеместно представляли собой избыток над средней прибылью и не тяготели к нормальной форме прибавочной стоимости как ренты феодального характера, то тогда можно было бы говорить о повсеместном развитии капиталистических отношений — вне зависимости от размеров аренд. Ведь мелкая аренда также совсем необязательно должна была являться феодальной. Еще раз подчеркнем, что в этом вопросе главное — не размеры аренд, а природа рент (арендных плат).

Попытка исследования природы рент арендаторов была предпринята автором данной статьи. Так, в частности, удалось показать специфические черты феодальной аренды и на этом фоне — выявить специфику капиталистических и переходных форм аренды на материале Юго-Западного региона Англии XVI — первой трети XVII в.³⁹

³⁸ См., например: *Лавровский В.М.* Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII вв. М., 1957; *Clay C.G.* Economic Expansion and Social Changes: England 1500–1700. Cambridge, 1984.

³⁹ *Винокурова М.В.* Мир английского манора, с. 327–457. Отметим, что вопрос об особенностях развития аренды в Англии периода раннего Нового времени можно и нужно исследовать не только на основании изучения манориальных описей, но и с помощью анализа таких интересных источников, как отчеты приказчиков и старост о положении дел в манорах, эволюционировавших в направлении фермерских хозяйств, — так называемых *farm accounts*.

Стало окончательно ясно, что не следует модернизировать отношения в аграрной сфере указанного периода, так как даже лизгольд — наиболее капитализированный вид поземельных отношений в Англии раннего Нового времени и в этом смысле более прогрессивный по сравнению с копигольдом — был отмечен явно выраженными реликтами феодального прошлого. В частности, об этом свидетельствовал однотипный с копигольдом механизм взимания рент и вступных фэйнов; наличие на аренде натуральных рент, гериотов и даже отработок; моделирование сроков аренды по типу копигольда; значительный процент долгосрочных (до 99 лет) договоров, наиболее характерных для средневекового периода; частично домениальный характер аренды и др.

Думается, что исследования в этой области стоит продолжать на материале других регионов и локальных зон Англии. В том-то и состоит проблема, что для определения специфики аграрного капитализма этой страны следует исследовать лизгольд на ее территории в целом — если бы у нас нашлось достаточно молодых историков, способных решить этот важный вопрос, требующий приложения большого исследовательского труда.

Еще одной важной проблемой аграрной истории Англии является проблема свободного держания (фригольда) как социального и правового феномена. Фригольд в нашей историографии исследован на уровне его генезиса в XI–XIII вв. в Восточной Англии и тех модификаций, которые происходили с ним в Юго-Западной и Северо-Западной Англии на рубеже XVI–XVII вв.⁴⁰ Но отечественной науке необходимо иметь представление еще об очень многом в этой области. Так, мы не знаем, например, как складывалась судьба этого вида держания в бурном XVII в.⁴¹ Неизвестно также, каким образом сказались на нем земельные акты эпохи Реставрации, парламентские огораживания конца XVIII в., какую роль играли правительственные «операции» со свободным держанием в процессе исчезновения английского крестьянства как класса самостоятельно хозяйствовавших тружеников.

Достаточно вспомнить, например, о предпринятой в последней трети XVII в. правительством Англии попытке провести проверку юридических оснований фригольда как свободного держания — феномена, совершенно не изученного в нашей литературе. Имеется в виду необходимость исследования правительственного «Статута о предупреждении неправомерного присвоения и ложных титулов» (апрель 1677 г.), предписывавшего предоставить письменные свидетельства на право владения фригольдом, на судьбы свободного держания в целом.

Дело в том, что владельческий титул фригольдеров со времени коммутации рент, как правило, не оформлялся письменно (хотя и фиксировался в описях), а основывался на признании его местным обычаем. Таким образом, очень многие фригольдеры, не имевшие соответствующих документов и владевшие землей «по обычаю манора», к концу XVII в. потеряли право собственности на свои участки.

Роль этого явления в общем процессе экспроприации английского крестьянства XVII–XVIII вв. представляется более чем значительной, и его изучение вполне могло бы внести некоторые коррективы в наши представления о составе держательских категорий ядра экспроприруемого в указанное время крестьянства. Не исключено, что в состав этого ядра входили не только копигольдеры, разными способами вытесняемые со своих участков с XVI в. (как традиционно считается в историографии), но также и свободные держатели Англии. Так или иначе, несомненно одно: фригольд не должен находиться вне поля зрения современных исследователей, поскольку дальнейшее изучение этого социального института поможет внести дополнительные нюансы в понимание экономической, политической и правовой истории Англии в целом.

⁴⁰ *Косминский Е.А.* Английское крестьянство в XIII в. К вопросу о свободном держании. — Средние века, вып. 1. М., 1942, с. 40–47; *Барг М.А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962; *Винокурова М.В.* Мир английского мира, с. 88–178.

⁴¹ В английской литературе поставлен вопрос о так называемой «цене фригольда» в конце XVII–XVIII в.: *Clay C.G.* The Price of Freehold in the Later XVII and XVIII Centuries. — Economic History Review, Ser. 2, 1974, v. XXXVII, № 2; см. также: *Griffiths L.E.* Freehold. Dover, 1996.